

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В последние пятнадцать лет дискуссии о существовании политики государства в области управления конфессиональными процессами завершались выводами о том, что такой политики нет либо она малоэффективна. Подобные заключения были основаны на анализе государственно-конфессиональных отношений в ходе поиска новой идентичности российского общества¹. Неоднократно отмечалось, что в Российской Федерации отсутствует правовая база, регулирующая отношения государства с религиозными объединениями и нет специального федерального государственного органа, контролирующего подобные объединения.

Современный законодательный опыт, относящийся к религиозной жизни, сводится к тем статьям в Конституции РФ, которые отражают вопросы вероисповедания и свободы совести и убеждений и носят сугубо декларативный характер. То же можно сказать о федеральном законе 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях», где основная часть посвящена регистрации религиозной организации, получению или утрате ею юридического статуса. Остальной же текст закона не несет смысловой нагрузки и содержит много противоречий.

Положительный сдвиг произошел лишь 23 июля 2008 г., когда была внесена поправка в закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». Изменение заключалось лишь в замене слов «правительство РФ» на «уполномоченный орган исполнительной власти». Тем самым текст закона стал свидетельствовать о готовящемся создании необходимого «уполномоченного органа исполнительной власти».

Несмотря на предполагаемое создание в системе государственного управления нового органа, контролирующего деятельность конфессиональных объединений, в России стоит проблема формирования эффективной модели конфессиональной политики, и образованием нового ведомства конфессиональная политика не может ограничиться. Поэтому важно найти механизм взаимодействия религиозных сообществ и власти.

Конституция РФ, основанная на принципах международного права, определяет Российскую Федерацию как светское государство и предполагает существование идеально-типической модели государственно-конфессиональных отношений, обеспечивающей плюрализм религий. Под термином религиозный (конфессиональный) плюрализм понимается сосуществование различных религиозно-культурных традиций в одном историческом пространстве, а также свободное взаимодействие и распространение религиозных представлений и идей. Россия же представляет собой сложный случай соотношения секуляризма и религиозной идентичности. С началом перестройки религия как таковая была частью общего либерального антикоммунистического дискурса. Религия воспринималась обществом как основа, носитель незыблемых ценностей и легитимировала радужную демократическую мифологию, хотя сама эта мифология предполагала исключительно секулярный общественный проект и абсолютный плюрализм религий².

Однако с самого начала эта модель оспаривалась как утопическая и не соответствующая российским условиям и традициям. Лейтмотивом этого сильного сопротивления было придание большего значения этническому, а вместе с ним и религиозному измерению национальной идентичности. Это сопротивление усиливалось в течение

1990-х гг. и воплотилось в соответствующей эволюции местного и федерального законодательства. В свободных публичных дебатах, отчасти напомнивших дореволюционные и эмигрантские дискуссии о «судьбе России», вновь появилась старая идиома «православная нация» и даже «Святая Русь» в числе прочих вариантов национальной идентичности³.

А. Агаджанян⁴ выделяет три объективных вектора, на которые ориентировались при формировании национальной идентичности: государство в поисках легитимации, Православная церковь в поисках преобладания, общество в поисках идентичности.

Либеральная элита в некоторые отрезки времени оказывала решающее влияние на политику постсоветской России. Однако государственный аппарат в целом, особенно военное и правоохранительное ведомства и прежде всего в провинции, оставался весьма консервативен и не готов к принятию гражданской плюралистической модели. Правящая элита не могла не учитывать, что этнические русские составляют более 80% населения России, и что с православием ассоциирует себя подавляющее большинство. Дореволюционная модель «национальной конфессии» и ограниченного плюрализма казалась естественной и более удобной для государства. Впрочем, в отличие от царской России сейчас эта модель функционирует в сочетании со светским принципом государственного устройства.

Православная церковь, осознавая масштабы своего преобладания, считала себя выразителем в основной постсоветской русской идентичности. Московская патриархия, которая является по традиции весьма консервативной организацией, стремилась восстановить в некоторых чертах дореволюционный вариант ограниченного плюрализма с символическими функциями православия как «господствующей религии». Идея «канонической» территории русского православия, охватывающей пространство бывшей империи, стала обоснованием решительных выступлений Патриархии, направленных против иностранных миссий, других православных деноминаций и сект, что заставляет вспомнить о дореволюционном запрете на прозелитизм и антисектантском законодательстве. Гарантией преобладания, согласно классическому архетипу являлось сближение Церкви с государством. Однако модель «государственной» церкви вызывала отторжение. Возобновился интерес к старой концепции – «симфонии» Церкви и государства, которая могла интерпретироваться как гибкое взаимодействие.

Российское общество испытывало недостаток в мощных символических источниках идентичности, так как коммунистические или либеральные ориентиры оказались привязанными к социальному меньшинству. Одновременно с этим у большинства населения в течение 1990-х гг. развивалось этническое самосознание. Новый акцент на этнокультурном значении «русского» был, кроме того, ответной реакцией на антирусский характер большинства националистических выступлений в бывших советских республиках и непрочное положение в них русских. Восстановленное самоназвание «россияне», казавшееся удачным нововведением, соответствующим либерально-демократическому типу национальной идентичности, довольно быстро уступило первенство этническому самоназванию «русские»⁵.

Таким образом, в начале 90-х гг. XX в. религиозный плюрализм, организованный по принципу равенства конфессий, к концу 1990-х гг. усложнился и оформился в иерархию религий, где преобладающую роль Русская Православная Церковь, что было отражено в законе 1997 г. и в общественной практике. Создание иерархии были компромиссом между разными позициями, некоей равнодействующей более глубоких процессов в массовых ожиданиях⁶.

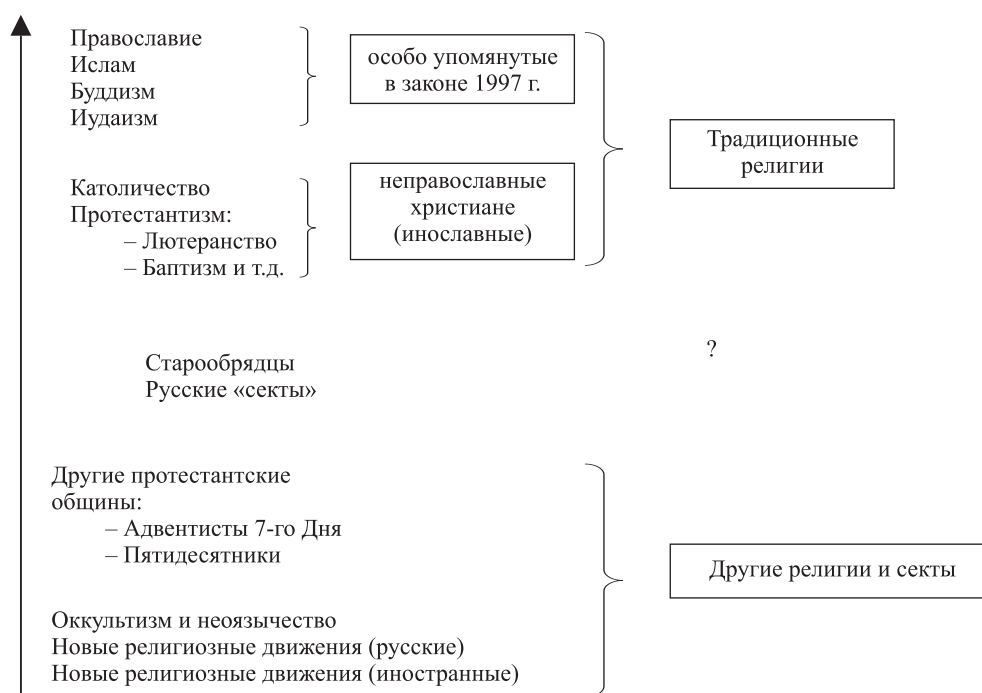

Схема конфессиональной иерархии, предложенная А. Агаджаняном

В настоящее время можно говорить о проведении устойчивой конфессиональной политики. Власть с учетом сложившейся критики механизма управления религиозными процессами, начинает давать адекватный ответ. К примеру, с созданием уполномоченного органа исполнительной власти преодолеваются некоторые неясности в законе «О свободе совести и о религиозных объединениях», а именно определяются потенциальные полномочия будущего ведомства, которое по логике закона будет выдавать документ о 15-летнем существовании (ст. 27.3) религиозной организации.

Помимо существования конфессиональной иерархии отмечается уменьшение числа религиозных объединений. Согласно годовому отчету Уполномоченного по правам человека в России, Министерство юстиции зарегистрировало на 1 январь 2008 г. 21 963 религиозные организации, что на 993 меньше чем в январе 2006 г.⁷ Зарегистрированные религиозные группы включают организации Русской Православной Церкви (12 586), исламские организации (3 815), протестантские общины (3 410), Свидетелей Иеговых (402), объединения последователей иудаизма (286), старообрядчества (283), католицизма (240), буддизма (200) и остальные организаций (741).

Таким образом, на современном этапе в России проявились тенденции к созданию гармоничной модели государственно-конфессиональных отношений, аналогов которой в стране еще не существовало. Несмотря на имеющуюся критику государственного вмешательства в деятельность религиозных объединений и наличие иерархии религий⁸, в России существует подлинное религиозное многообразие. И дальнейшее взаимодействие власти и конфессий требует внимательного изучения.

¹ См.: Гудков Л.Д. Русское национальное сознание и его динамика (1989-1995 гг.) // Социол. чтения. М., 1996. Вып.1. С. 23.

² Руссле К. Вызовы религиозного плюрализма в постсоветской России // Междунар. журн. по мультикультурным обществам. 2000. №2. С. 94.

³ См.: Дробужева Л.М. Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся

обществе // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х гг. М., 1994. С. 12.

⁴ См.: Агаджанян А. Религиозный плюрализм и национальная идентичность // Международный журнал по мультикультурным обществам. 2000. №2. С.8.

⁵ См.: Коначева С.А. Религиозная ситуация в постсоветской России: особенности процесса секулязации // Трансформация идентификационных структур в современной России. М., 2001. С. 85.

⁶ См.: Агаджанян А. Религиозный плюрализм и национальная идентичность. С. 15.

⁷ International Religious Freedom Report 2008. URL: <http://www.state.gov/g/drl/rls/irf/2008/108468.htm> (дата обращения: 20.02.2009).

⁸ Там же.